

Tatiana Wołyniec
Białoruski Państwowy Uniwersytet
w Mińsku

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

С официального крещения Руси при Великом князе Владимире (988 г.) и принятия христианства в качестве государственной религии начинается долгий период оппозиционного сосуществования и динамического взаимодействия русского и церковнославянского языков. В рамках одного языкового коллектива объединяются и функционально противопоставляются друг другу две языковые системы: книжная, в которой используется церковнославянский язык как язык сакральный, культовый, и некнижная, связанная с обыденной жизнью и обслуживаемая русским (профанным) языком (Успенский 1983: 5). Дистрибутивное функционирование языков сопровождается последовательной русификацией церковнославянского языка, в результате которой образуется его русский национальный извод, и постепенным проникновением элементов книжных (церковнославянских) в русскую разговорную и письменную (бытового и делового характера) речь. В ситуации церковнославянско-русской диглоссии (а позже и в ситуации церковнославянско-русского двуязычия) совершенствуется не только лексический состав русского языка, но и его грамматический строй. Сложный и неоднозначный процесс формирования грамматических единиц русского языка отчетливо прослеживается в судьбе причастных форм, системы которых преобразовывались под непосредственным влиянием элементов церковнославянского языка, но в соответствии с внутренними тенденциями развития русского языка.

Эволюция русского причастия может быть представлена в двух аспектах: системном и интерпретационном. В первом случае мы сможем проследить постепенное изменение конкретных языковых и прагматических характеристик причастных форм, во-втором – установить, как развивались теоретические представления о грамматическом статусе причастий, как определялось их место в системе частей речи. Существующие в лингвистической литературе разноаспектные исследования, посвященные истории развития и формирования причастных форм, в основе своей системы, хотя авторы, говоря о полифункциональности причастных форм, о меняющемся объеме их атрибутивного употребления, о разрушении и трансформации системы форм русских действительных причастий (что

непосредственно связано с конкуренцией церковнославянских и русских причастных форм), о функционировании страдательных причастий настоящего и прошедшего времени, как правило, определяют и место причастных образований в системе языка (см. раб. А.А. Потебни, А.А. Шахматова, Д.Н. Овсянко-Куликовского, Е.С. Истриной, С.П. Обнорского, С.Д. Никифорова, А.Г. Руднева, А.В. Исаченко, Т.П. Ломтева и др.).

Цель настоящей статьи – описать не столько системную, сколько интерпретационную судьбу причастий, грамматический статус которых пересматривался неоднократно, но так и не утвердился в лингвистической теории до сих пор, и представить собственную точку зрения на грамматическую квалификацию современных причастных форм.

Первые русские грамматики Л. Зизания, М. Смотрицкого, В. Максимова, следуя греческой и латинской традиции, относят причастие к одной из восьми частей речи. Как особую, хотя и служебную, часть речи рассматривает причастие и М.В. Ломоносов, подчеркивая, правда, при этом, что причастия „суть имена прилагательные, от глаголов происшедшие, следовательно, тем же с ними законам подвержены” (Ломоносов 1952: 417). Это достаточно осторожное замечание М.В. Ломоносова в *Русской грамматике* А.Х. Востокова трансформируется в утверждение: причастие „есть сестъ имя прилагательное, от глагола произведенное, с означением времени действия или состояния, настоящего или прошедшего” (Востоков 1831: 107). Новая классификационная характеристика причастия появляется в работах А.А. Шахматова, который включает причастие (вместе с инфинитивом и деепричастием) в ряд неспрягаемых форм глагола (Шахматов 1941: 197). Определение причастия как формы глагола оказалось настолько привлекательным и убедительным, что до настоящего времени оно сохраняется в школьных, вузовских и академических грамматиках. Его позиции не смогли поколебать ни авторитет грамматических исследований А.А. Потебни, И.И. Срезневского, Д.Н. Овсянко-Куликовского, доказавших самостоятельность причастия в системе частей речи, ни новый подход к дефиниции причастия, в рамках которого причастия рассматривались как гибридные глагольно-именные формы (В.В. Виноградов, Е.С. Истрина, А.В. Исаченко).

Определяя место причастий в грамматической системе русского языка, В.В. Виноградов писал: „...в формах причастий наблюдается необыкновенно острый и сложный процесс грамматической гибридации. Смысловая структура этих форм подвергается глубоким изменениям. В причастной форме сталкиваются и объединяются противоречивые ряды значений. Полный распад формы на омонимы осуществляется не часто. Однако семантическое единство формы становится колеблющимся и условным. Намечается новый тип »гибридной« лексемы, не вполне обычный в языке с преобладающим синтетическим строем” (Виноградов 1972: 230).

Предпринятое нами исследование трансформационных возможностей причастных форм (Воłyнец 1998), безусловно, подтверждает тезис В.В. Виноградова о необычности и своеобразии причастий, но, анализируя различные модели текстовой реализации их грамматического и семантического содержания, мы приходим к несколько иному выводу о грамматической природе причастных форм:

действительные и страдательные причастия, традиционно рассматриваемые как „особые формы глагола”, фактически являются классом производных слов – синтаксических дериватов, возникших в результате структурных и общекатегориальных преобразований глагольных основ.

Отличительной особенностью синтаксической деривации является преобразование производящего слова в производное, ограниченное в семантико-функциональном плане меной грамматико-категориального компонента значения слова и непосредственно связанное „с потребностью грамматической адаптации лексемы к вторичной синтаксической функции” (Павлов 1985: 28).

Функциональная взаимозаменяемость и сближение парадигматических значений форм – явления, характерные для вариантных средств языка и отмеченные исследователями на уровне различных частей речи. По данным Л.В. Бортэ, существительное в составе предложения способно 8 раз заменять другие части речи и заменяться ими, прилагательное – 6, глагол (в личной форме) – 5, наречие – 3. Иными словами, существительное вступает в 8 типов взаимодействия с другими частями речи, прилагательное, глагол и наречие – соответственно в 6,5 и 3 (Бортэ 1979: 37). Транспозиционные процессы, безусловно, подтверждают тезис о том, что „части речи не изолированы, а тесно связаны друг с другом и составляют единую грамматическую систему. Близкие по своему грамматическому значению слова этой системы в процессе речи могут замещать друг друга” (Скорик 1968: 291), но это не мешает взаимозаменяемым параллельным формам, используемым для выражения одного и того же денотативного значения, относиться к **разным** частям речи. Почему же причастия, основное назначение которых – это транспозиция процесса в признак и перевод глагола-доминанты из матричной позиции в нематричную, не могут рассматриваться как относительно самостоятельный лексико-грамматический класс слов? Ведь, по утверждению Л.Н. Мурзина, различие между предикатом и атрибутом должно определяться на деривационной основе, так как атрибут есть результат предшествующей работы языкового механизма, это бывший предикат, подвергнутый определенным преобразованиям (Мурзин 1974: 33).

Синтезируя в себе значение признака и процесса, причастия вступают с глаголами в отношения морфологической и синтаксической производности и оформляют эти отношения соответственно как именными, так и глагольными грамматическими категориями. Сохранение лексической и (частично) грамматической семантики образующего глагола не объединяет причастие с другими формами, а, наоборот, приближает к классическим примерам словообразовательной транспозиции – отглагольным именам существительным со значением опредмеченного действия (*стрелять* → *стрельба*, *взрывать* → *взрыв*, *хранить* → *хранение*) и отглагольным именам прилагательным со значением атрибутивного действия (*кипятить* → *кипяченая вода*, *гладить* → *глаженое белье*), в лексико-грамматической структуре которых также присутствуют „такие чисто глагольные категории, как вид, залог, а, возможно, и лицо” (Ремчукова 1990: 21). Вид и залог – категории, пронизывающие всю русскую глагольную парадигму, – не подавляются полностью в сфере отглагольного именного словообразования и в той или иной форме комплексно проявляются там, где речь идет о действии (для

обозначения его характера и способа протекания). На возможность выражения пассивного значения русскими отглагольными существительными и прилагательными указывал еще В.В. Виноградов (Виноградов 1972: 614). Случаи видового противопоставления в парах существительных типа *удвоение – удваивание, прыжок – прыганье* отмечал А.М. Пешковский (Пешковский 1956: 111). Выражение отглагольными существительными значений вида как следствие их семантической соотнесенности с глаголом рассматривали Е.А. Иванчикова и З.А. Монастыренко (Иванчикова 1972: 113–123; Монастыренко 1977: 65–76). О залоговой семантике отглагольных имен существительных, которая передается вместе с видовой характеристикой действия, писала О.Д. Митрофанова, отмечая, что данные значения проявляются не столько в формально-грамматическом, сколько в семантико-синтаксическом плане (Митрофанова 1973: 54–65).

Что же касается отглагольных прилагательных, то в их семантической структуре выявляются не только видовые и залоговые, но и модально-временные характеристики мотивирующего глагола. Они сохраняются там в модифицированном виде, но, по наблюдениям А.В. Петрова, не исчезают совсем (Петров 1990: 29). Ср.: *вшивная полоска* – ‘такая, которую *вшивли*’ (= *вшитая*, но не *вшиваемая*) и *поливные земли* – ‘такие, которые *поливают(ся)*’ (= *поливаемые*, но не *политые*). В данных примерах обозначаемый признак соотносится с ситуацией, имеющей точку отсчета на временной оси. А в парах *продвижной столик* (‘такой, который можно *продвинуть*’) – *привязная коса* (‘такая, которую можно *привязать*’) семантика прилагательных оказывается ориентированной на модальные значения возможности/невозможности осуществления действия, о чем свидетельствует модальный компонент «можно», включенный в мотивирующую предикативную конструкцию.

Залоговое, видовое, модальное и временное значения отглагольных имен (синтаксических и частично лексических дериватов) имплицитны по своему характеру и выявляются только на уровне контекста при конкретизации семантического содержания имени и введения его в определенную коммуникативную ситуацию. Как замечает Е.С. Кубрякова, „аспектуально-залоговые характеристики исходного глагола не столько сняты производным словом, сколько эксплицитно не отражены и »дремлют« в нем в латентном состоянии” (Кубрякова 1978: 79), из-за чего семантика отглагольных транспозиционных образований не отличается устойчивостью, а характеризуется функциональной членимостью, подвижностью и восприимчивостью к влиянию языкового окружения.

Практически так же ведут себя и причастия. Наследуя глагольные дифференциальные признаки в виде своеобразного генетического кода, причастные формы на уровне текста начинают выражать более широкий спектр грамматический и лексических значений. Практически они оказываются тем языковым средством, при помощи которого связываются воедино различные формы однокоренных глаголов с противоположными видовыми и залоговыми значениями:

раскрыть → раскрывать

раскрытый → раскрыться → раскрываться (в страд. зн.)

раскрываться (в нестрад. зн.).

В семантической структуре причастия сохраняются все основные категориальные значения глагола (вид, залог, время...), но, не будучи представленными в чистом виде, они преломляются через функциональное своеобразие причастных форм и трансформируются из морфологических категорий в семантические. Сравните замечания Е.А. Иванниковой и А.В. Бондарко: „...перевод глагольного действия в субстантивную форму неизбежно приводит к превращению морфологической глагольной категории в семантическую” (Иванникова 1972: 118); „...в имени залог выступает не как категориальное грамматическое значение, а как лексическое значение, относясь к области скрытой грамматики” (Бондарко 1978: 36). Безусловно, говорить о полной семантизации категорий вида, залога и времени у причастий вряд ли пока представляется возможным, но то, что данные категории в причастных формах на уровне текста контаминируются с категориальными значениями имени, подвергаются воздействию со стороны коммуникативного окружения и вследствие этого постоянно модифицируются и лексикализуются, – факт бесспорный. Это подтверждается прежде всего тем, что каждые 3 причастия из 5 в процессе трансформационного эксперимента вступают в нестандартные формально-семантические отношения с предикативными формами глаголов.

Ср.: *Хотелось бы чистого, твердого голоса, обещающего продолжение воли и силы* (А. Солженицын. Август 14-го). → *Хотелось бы чистого, твердого голоса, который обещал бы продолжение воли и силы (обещающего → обещал бы* появляется под влиянием глагола-сказуемого *хотелось бы*, как следствие координации модально-временных планов главной и придаточной частей, получаемых в результате трансформационного преобразования конструкции).

Раньше Данилов сам уstraивал грозы и, блаженствуя в их буйствах, ощущал себя неким Бонапартом, командовавшим сражением стихий (В. Орлов. Альтист Данилов). → *Раньше Данилов сам уstraивал грозы и, блаженствуя в их буйствах, ощущал себя неким Бонапартом, который командует сражением стихий* (общий временной фон контекста устремлен в прошедшее, но причастная форма со значением прошедшего времени в процессе трансформационного эксперимента соотносится с финитной формой глагола со значением настоящего времени, поскольку причастие обозначает признак, не локализованный во времени, а существующий как отличительное свойство лица).

Заранее известно, что получаемые через год суммы будут выше, чем в случае инвестиций в государственные облигации (Ва-банк (1994) 14). → *Заранее известно, что суммы, которые получат через год, будут выше, чем в случае инвестиций в государственные облигации.* – Соотношение форм *получаемый → получают* возникает в контексте с временным планом, устремленным в будущее и нацеленным на результативное действие, что естественно определяет необходимость введения в преобразуемый текст предикативной глагольной формы со значением совершенного вида.

Пушистая чернота белила крыши, заборы, ветки, всякую малость этого городка, затерянного среди снежных полей и лесов (Д. Гранин. Картина). → *Пушистая чернота белила крыши, заборы, ветки, всякую малость этого городка, что затерялся среди снежных полей и лесов.* – Нестандартный характер трансформации связан с изменением не только грамматического, но и семантического содержания причастной формы. Причастие *затерянный* реализует значение возвратного глагола *затеряться* ('оказаться неприметным, неизвестным, благодаря отдаленности, малодоступности местоположения'). Значение это не предполагает ни одновременного участия в действии субъекта и объекта (как правило, для осуществления действия нужен только субъект), ни формирования в контексте субъектно-объектных отношений, характерных для страдательных конструкций, поэтому значение страдательного залога у причастия *затерянный* деактуализируется и реально становится тождественным значению действительного залога.

Как следует из данных примеров, реальное содержание причастных форм, его семантический объем и грамматический характер, довольно часто не соответствует закрепленному в языковом сознании образу, поэтому существующее в лингвистической теории деление причастий на страдательные и действительные (как прошедшего, так и настоящего времени) можно охарактеризовать как условное и абстрактное. Причастные формы имеют лишь общие (абстрактные) значения действительного/страдательного залога, настоящего/прошедшего времени, совершенного/несовершенного вида, но свое конкретное значение они получают только в контексте, т.е. реальное грамматическое содержание причастных форм не имеет своего морфологического оформления, и их грамматическая семантика (так же, как и лексическая) формируется на базе нескольких однокоренных глагольных лексем.

Как класс слов причастия обслуживают преимущественно периферию текста. Их появление в структуре высказывания обычно связано с необходимостью устранения либо дублирующих компонентов, либо малоинформативных, в основном, модусных звеньев. Как отмечает О.Е. Морозова, „заключение глагольной основы в атрибутивную форму создает эффект фиксации, приостановленности процессуального признака, способствующий определенной смысловой монолитности предмета и признака” (Морозова 1990: 5). Передавая семантику глагола в атрибутивной форме, причастия в современном русском языке представляют собой свернутые структуры и отличаются от образующих глагольных лексем функционально-семантической и грамматической усложненностью, которая проявляется в имплицитности и диффузности лексико-грамматического содержания причастных форм. Возникая в результате перевода глагольного действия из предикативной репрезентации в атрибутивную, морфологически оформляя данный перевод с помощью именных грамматических категорий рода, числа и падежа, причастия, вопреки этому, не тождественны и именам прилагательным, так как грамматическое содержание причастий объединяется в их смысловой структуре с понятиями реальной действительности, ориентированными не на семантическое качество (как это наблюдается у прилагательных), а на действие, процесс, состояние. „Обозначая недоступные прилагательному

качественные ситуативные признаки предмета, причастное определение значительно расширяет сферу признаковой характеристики предметов” (Иванова 1985: 8).

Противоречивость категориального содержания причастий есть следствие коммуникативных потребностей языка, в системе которого причастные формы создавались с целью компрессии высказываний, чтобы обеспечить компактность обозначения ситуации, расширить жестко заданные в языковой системе рамки лексических и грамматических единиц и предоставить говорящим возможность некоторого „маневра” в выборе средств описания.

Библиография

- Бондарко А.В. (1978) *Грамматическое значение и смысл*. Ленинград, с. 174.
- Боргэ Л.В. (1979) *Проявление связей между частями речи в современном русском языке*. Кишинев, с. 117.
- Виноградов В.В. (1972) *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва, с. 613.
- Вольнец Т.Н. (1998) *Грамматический феномен причастия*. Москва, 138.
- Востоков А.Х. (1831) *Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная*. Санкт Петербург.
- Иванникова Е.А. (1972) *К вопросу об аспекте изучения вида у отглагольных существительных в русском языке*. Изв. АН СССР. Отд. Лит. и яз. Т. 31, Вып. 2, с. 113–123.
- Иванова О.Е. (1985) *Семантика и функции причастного атрибута в современном русском языке*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, с. 21.
- Кубрякова Е.С. (1978) *Части речи в ономаσιологическом освещении*. Москва, с. 114.
- Ломоносов М.В. (1952) *Полное собрание сочинений*. Т. 7, Москва–Ленинград.
- Митрофанова О.Д. (1973) *Отглагольные имена существительные в научных текстах (к вопросу о „номинативном” характере научного стиля)*. НДВШ. Филол. науки. „маневра” 5, с. 54–65.
- Монарсыренко З.А. (1977) *Семантическая соотносительность производных и их производящих в современном русском языке*. В: *Вопросы языкознания и литературоведения*. Алма-Ата, с. 65–72.
- Морозова О.Е. (1990) *Словосочетание с причастием в системно-функциональном аспекте*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград.
- Мурзин Л.Н. (1974) *Синтаксическая деривация*. Пермь.
- Павлов В.М. (1985) *Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования*. Ленинград.
- Петров А.В. (1990) *Имплицитные лексико-грамматические семы в отглагольных прилагательных русского языка*. В: *Глагол в системе языка и речевой деятельности*. Свердловск, с. 28–30.
- Пешковский А.М. (1956) *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- Ремчукова Е.Н. (1990) *Вид и отглагольное словообразование*. В: *Функциональные и семантические проблемы описания русского языка: Тр. По рус. и слав. Филологии*. Тарту, с. 21–30.
- Русская грамматика*: т. 1. (1980) Москва.

- Скорик П.Я. (1968) *О принципах классификации слов по частям речи*. В: *Вопросы теории частей речи*. Ленинград, с. 282–292.
- Успенский Б.А. (1983) *Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. Доклад на IX Международном съезде славистов* (Киев, 1983). Москва.
- Шахматов А.А. (1941) *Очерк современного русского литературного языка*. Изд. 4-ое. Москва.